

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этническая история народов Азии. М., 1972, 293 стр.

Рецензируемый сборник, подготовленный Ленинградским отделением Института этнографии АН СССР под редакцией С. М. Абрамзона и Р. Ф. Итса, свидетельствует о том, что ленинградские ученые уделяют серьезное внимание проблемам этногенеза. Исследование этногенеза народов мира — одно из главных направлений в этнографической науке. Постоянное внимание к этой теме помогло советским ученым развить концепцию хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей¹, которая все шире используется советскими и зарубежными исследователями.

Народ — основной объект исследования этнографов². Это уже само по себе предполагает интерес к истории его формирования. Сложное происхождение народов, как исторически возникших общностей людей, закономерно предполагает комплексный подход к проблемам этногенеза. В предисловии к сборнику подчеркивается, что именно на таких позициях стоят его авторы.

Перейдем к рассмотрению отдельных статей. Статья Л. В. Хомич «Опыт изучения современных этнических процессов в Ямало-Ненецком национальном округе» — одна из интереснейших в сборнике. Автор показывает, что развитый социалистический строй способствует интенсификации этнических процессов у народов Севера. В статье дан подробный анализ социального состава, занятий, культуры, брачных и языковых взаимоотношений разных национальностей Ямало-Ненецкого округа. Сохранению этнической обособленности коренного населения (ненцев, хантов и отчасти коми-зырян) в конкретных условиях Севера способствует специфика хозяйства, связанная с кочевым оленеводством (около 90% коренного населения ведет кочевой образ жизни). Особые условия Севера и местный быт (одежда, оленный транспорт, пища) оказывают также сильное воздействие на прошлое, в том числе и русское население.

В статье Г. Н. Грачевой «Народные названия, связанные с погребениями и погребальными сооружениями (по материалам Западной Сибири)» дается сравнительно-исторический анализ этих названий, на основании которого делаются некоторые выводы этногенетического характера. Например, подтверждается традиционная точка зрения о двух компонентах, тюркском и нетюркском, в этногенезе тофаларов (в статье почему-то дается их старое название — карагасы).

В работе Л. П. Потапова «Тубалары горного Алтая» дана детальная этнографическая характеристика рассматриваемого народа. Наличие у тубаларов железоделательного производства, их скотоводческие традиции при преобладании лесной охоты, культ гор позволяют привлечь сравнительно-исторические данные для решения проблем их этногенеза. Наряду с самодийским и средневековым тюркским элементами, по мнению Л. П. Потапова, можно вскрыть в этногенезе этого народа и древнетюркский пласт, уходящий в гуннскую среду.

В статье С. М. Абрамзона «Народные предания, как источник для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня» привлекается, на наш взгляд, важный, еще мало использованный для изучения проблемы этногенеза источник. Материал, приведенный автором, касается истории киргизов в XVI — начале XVIII в., т. е. в период джунгарской экспансии. Несомненно, что в исторических преданиях, фольклоре и мифологии сохранились следы явлений и событий не только столетней, но подчас и тысячелетней давности, по которым можно вскрыть глубочайшие пласты этногенеза. К сожалению, методология использования подобных материалов в этнографической науке еще недостаточно разработана.

¹ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса), «Сов. этнография», 1955, № 4.

² Ю. В. Бромлей, К характеристике понятия этнос, «Расы и народы», М., 1971.

С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев и Ч. М. Таксами в статье «Этнокультурные связи коренных народов прибрежной Северо-Восточной Азии» рассматривают этногенез эскимосов, алеутов, нивхов, айнов, коряков и чукчей в рамках более широких этнокультурных связей народов тихоокеанского бассейна. Работа этих авторов представляется нам одной из наиболее интересных в сборнике. В ней подробно аргументируется теория эскимосо-алеутских влияний на юге рассматриваемого ареала, достигавших низовий Амура и северной Японии. Для решения проблем этногенеза населения дальневосточной историко-этнографической области, включавшей в древности, по предположению авторов, также Северную Японию, привлекается обширный археологический и этнографический материал (древние костяные гарпуны, традиционные японские куклы, восходящие к культурным изображениям нивхов, и др.).

Статья И. С. Вдовина «Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей» посвящена спорным вопросам этногенеза народов крайнего северо-востока Азии. Автор считает, что Б. О. Долгих неправомерно расширил этнический ареал юкагиров XVII в. за счет чукчей. В статье высказана мысль, что юкагиры, пришедшие в соприкосновение с общими предками чукчей и коряков, разделили их на две группы, что положило начало резкому обособлению этих двух народов (стр. 109). Захват юкагирами охотничьих территорий стимулировал развитие у чукчей пастушеского оленеводства, а также морского зверобойного промысла и рыболовства. Вывод И. С. Вдовина о поздних контактах юкагиров с чукчами и коряками, по-видимому, согласуется с теорией М. Г. Левина и Г. М. Василевич о тунгусском происхождении оленеводства у чукчей и коряков, а также с мнением И. С. Гурвича о том, что оленеводческие группы чукчей и коряков обособились лишь к XVII в.³

Особое место в сборнике занимает работа Р. Ф. Итса «Борьба за независимость как фактор этнического развития народов Южного Китая в период господства Цин». Автор обращает особое внимание на социально-политические процессы в период маньчжурского правления в Китае (1644—1911), показывая классовый характер межэтнических отношений. Большое внимание в связи с этим уделено тайпинскому восстанию, несколько десятилетий потрясавшему феодальный Китай. В нем приняли активное участие народы южного Китая — чжуаны, мяо, ицзу и др. Анализ классовой борьбы позволил автору сделать важные выводы: маньчжурское завоевание Китая затормозило не только социально-экономическое развитие страны, но и этнические процессы, прежде всего консолидацию самого китайского народа. Нация в Китае складывалась в сложных условиях феодально-национального, а затем и империалистического гнета. Интересен вывод Р. Ф. Итса о том, что сохранение демократических традиций доклассовой эпохи у некитайских народов Южного Китая стимулировало антифеодальные выступления китайского крестьянства. Автор говорит о том, что цинское завоевание и подавление тайпинского восстания, помимо физического уничтожения многих тысяч чжуанов, мяо, ицзу и других национальных меньшинств Южного Китая, привели к специфическому этническому развитию: этническая территория этих народов оказалась разорванной, что вызвало в ряде случаев социально-экономический регресс и возрождение племенной раздробленности.

Одному из народов Китая с очень сложной этнической историей посвящена статья А. М. Решетова «Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации». Автор дает характеристику этого народа. Хуэй — третий по численности из малых народов Китая (после чжуанов и уйгуров); он насчитывает около 4 млн 300 тыс человек (1965). Расселены хуэй почти на всей территории КНР. Часть этого народа во второй половине XIX в. переселилась в Среднюю Азию, где теперь известна под названием «дунгане». В Китае хуэй делятся на три основные группы: северную, юго-западную (юньнаньскую) и южную (гуаньчжоускую). Хуэй, как и многие другие неханьские народы Китая, говорят на диалектах китайского языка и пользуются китайской письменностью. Этногенез хуэй связан с историей распространения в Китае ислама и с теми народами, которые принесли его: арабами, иранцами, народами Средней Азии и др. По Г. Г. Стратановичу, одним из субстратов хуэй были маньчжуроязычные группы⁴. В недавно вышедшей монографии М. Сушанло в разделе об этногенезе дунган проводится мысль о тунгусском субстрате, давшем начало этногенезу хуэй⁵. Эта концепция нам представляется наиболее убедительной. Именно тангуты, говорившие на тибето-бирманском языке и переселившиеся из Юго-Западного Китая (из Сычуани) в VII—VIII вв. н. э. в более северные районы Ордоса⁶, могли образовать ту основу, которая легко воспринимала культурные и этнические воздействия, шедшие с юга Китая. Однако спецификой этногенеза хуэй является то, что как народ они сложились на территории Китая на основе китайского языка. Подчеркивая роль китайской

³ И. С. Гурвич, Проблема происхождения оленеводческих подразделений северо-восточных палеазиатов в свете этнографических данных, «Материалы конференции „Этногенез народов Северной Азии“», вып. I, Новосибирск, 1969.

⁴ Г. Г. Стратанович, Проблема происхождения хуэй и их ранней истории, «Народы Восточной Азии», М., 1965.

⁵ М. Сушанло, Дунгане, Фрунзе, 1971.

⁶ Е. И. Кычанов, К вопросу о происхождении тангутов, Сб. «Вопросы филологии и истории стран Советского и Зарубежного Востока», М., 1961.

языковой и культурной среды, а также тот факт, что у хуэй не было особой, отличной от китайцев этнической территории, А. М. Решетов характеризует хуэй как этнографическую (этно-конфессиональную) группу китайского народа.

Этот вывод автора статьи представляется нам весьма спорным. Языковая общность хуэй и китайцев не дает еще достаточных оснований для такого вывода. На наш взгляд, у хуэй основные этнодифференцирующие функции выполняет не язык, а культура в узком значении этого слова. Следует отметить, что ислам наложил отпечаток, не только на духовные представления, его влияние чувствуется и в жилище, пище, одежде и в других сферах быта хуэй. Даже в области народного искусства у хуэй проявляется юго-восточноазиатское влияние проникающее с исламом (отдельные сюжеты, например, мотив кала-макара в орнаментике и т. д.)⁷. Общий культурный фонд, который присущ даже самым северным хуэй, свидетельствует о культурном единстве всех отдельных групп этого народа. Здесь, как и во многих других случаях, культурное своеобразие является основным фактором этнического обособления. Ислам способствовал упрочению эндогамности брачных связей у хуэй. Наконец, этот народ сам четко осознает себя как особую этническую общность; китайцы также считают их отдельным народом. Хуэй, с нашей точки зрения, — исторически сложившаяся устойчивая общность, т. е. этническая общность, хотя и слабо консолидированная. Нужно бы более определенно сказать о том, что поселения мусульман на юге о. Хайнань, которые принято относить к хуэй, являются тямской колонией, появившейся после разгрома феодального Вьетнамом государства Тямпа; к этим переселенцам впоследствии присоединились другие мусульмане — также выходцы из Юго-Восточной Азии.

В статье С. А. Маретиной «Из этнической истории горных народов Северо-Восточной Индии» рассматривается этногенез главным образом тибето-бирманских народов: нага, качари, куков, чинов, а также мон-кхмерских кхаси. Нужно сказать, что вопрос об их происхождении очень слабо разработан. Поэтому появление первой специальной сводной работы по этой теме надо приветствовать. Нам кажется, что изучение этнических процессов в рассматриваемом районе современной Индии следовало бы теснее связывать с исследованием истории народов Юго-Восточной и Восточной Азии. Такой подход намечается в статье С. А. Маретиной. Автор констатирует, что в прошлом Северо-Восточная Индия в этнографическом отношении входила в историко-этнографическую область материковой части Юго-Восточной Азии.

В статье М. К. Кудрявцева «Об этническом составе армий мусульманских завоевателей Индии» исследуется важная проблема формирования населения современных Пакистана и Северной Индии. В ней показана динамика военных и этнических взаимоотношений арабских, персидских, тюркских, монгольских и афганских этнических элементов с местными индийскими в VIII — середине XVIII в. М. К. Кудрявцев отмечает, что наряду с военной экспансией имела место также мирная инфильтрация в Индию мусульманских народов. Но, конечно, эти вопросы — тема специального исследования.

Несколько выходит за тематические рамки сборника статья Ф. Д. Люшкевич «Некоторые этнографические данные о татах Ирана». Это квалифицированное описание быта одной из малоизученных народностей, сделанное на основании публикаций новейших иранских полевых исследований. Ф. Д. Люшкевич уже внесла вклад в изучение сложнейших этнических и хозяйственно-культурных взаимоотношений в Средней Азии, Закавказье и Иране, где термин «тат» широко употребляется для характеристики оседло-земледельческого населения⁸. Однако в рассматриваемой статье вопросы этногенеза, к сожалению, прямо не поставлены.

Большой интерес представляет статья В. Г. Трисман «К условиям складывания общего языка в Индонезии». В ней приведено много новых материалов по истории формирования общендонезийского языка. В статье убедительно показано, что формирование общендонезийского языка происходило не как следствие стихийных процессов, а как осознанный акт в общем ходе национально-освободительной и классовой борьбы. Проблема индонезийского языка стала одной из центральных в антиколониальном движении. В независимой Индонезии он стал играть роль основного средства общения.

Статья Д. И. Тихонова «Этническое развитие народов Республики Филиппины» в значительной мере повторяет этнографические материалы автора в tome «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966. Проблемы этнического развития затронуты в заключительной части статьи. Заслуживают внимания приведенные данные по языковым проблемам. Филиппины, как и Индонезия, населены многими близкородственными народами, они долго были в колониальной зависимости сначала от Испании, затем от США. На Филиппинах, как и в Индонезии, выдвигается проблема единого национального языка, причем за основу здесь взят язык тагалов, на территории которых находится самый крупный центр страны — Манила. Трудности в распространении языка пилипино, созданного на основе тагальского, автор объясняет его фонетической сложностью. Дело не только в этом. Многие филиппинские языки далеко отстоят друг от друга в лингвистическом отношении, кроме того, действует такой фактор, как большие различия в

⁷ См.: Г. Г. Стратанович, Изобразительное искусство дунган СССР, «Труды сектора востоковедения Казахской ССР», т. 1, Алма-Ата, 1959.

⁸ Ф. Д. Люшкевич, О термине «тат» как этнониме на территории Ирана, Средней Азии и Закавказья, «Сов. этнография», 1971, № 3.

культуре отдельных народов. Кроме того нужно принимать во внимание, что вокруг вопроса о языке пилипино ведется острая политическая борьба, некоторые реакционные силы выдвигают идею принятия английского языка в качестве единого национального языка Филиппин⁹.

Статья А. И. Мухлиннова «Этнографическая характеристика бронзовой культуры Донгшона (Вьетнам)» касается одной из узловых этногенетических проблем Юго-Восточной Азии. Автор делает вывод о том, что рассматриваемая культура принадлежит носителям малайско-полинезийских языков, что ее наследие живо в культуре современных мон-кхмерских и малайско-полинезийских народов Юго-Восточной Азии. Актуальной задачей является определение территориальных границ донгшонской культуры в Индокитае и на островах Индонезии, соотношение ее с близкими традициями в соседних районах, например, с культурой Шичжайшань в Юго-Западном Китае¹⁰. Важна также постановка проблемы создания целостной истории Индокитая в эпоху бронзы с учетом предшествовавших донгшонской культуре стадий, таких как самронсенская и недавно обнаруженная бронза в северо-восточном Таиланде, которая датируется III тыс. до н. э.¹¹

Малознученному периоду в истории южной Сибири и сопредельных районов посвящена статья Д. Г. Савинова «Об изменении этнического состава населения южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени». В статье поддерживается мысль Л. Р. Кызласова об огромной роли государства древних хакасов в Южной Сибири и Центральной Азии, оказавшего значительное культурное воздействие на население этого района в IX—XII вв. Д. Г. Савинов выделяет среди памятников XI—XII вв. два территориальных и хронологических комплекса, полагая, что ранний связан с тюркоязычными кыргызами, а более поздний свидетельствует о вытеснении на историческую арену монголов. Причем указывается, что появление монгольского элемента не означало исчезновения тюркского населения.

В статье Л. Г. Нечаевой «Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин» доказываются генетические связи склеповой традиции на Северном Кавказе V—XIX вв. с обычаем катакомбных захоронений, принесенным в горные районы аланами, и отрицается происхождение этой традиции от погребений в каменных ящиках и дольменах. Таким образом, в концепции автора преувеличивается роль аланского источника в ущерб автохтонному. Автор не учитывает того, что катакомбная культура относится к I тыс. до н. э., а склепы зафиксированы на Кавказе в эпоху бронзы во II тыс. до н. э.

Переходя к общей оценке сборника, хочется еще раз сказать, что этнографический материал, имея непосредственное отношение к этнической специфике изучаемого народа, служит тем надежным критерием, который помогает интерпретировать лингвистические, археологические и антропологические данные. Иначе говоря, этнографический материал выступает как основной источник по этногенезу. Этому не противоречит то обстоятельство, что часто лингвистические или антропологические данные корректируют теорию происхождения отдельного народа. Высказанные соображения согласуются с теми последними исследованиями, где роли культуры в функционировании этноса придается особое значение¹².

Я. В. Чеснов

⁹ В. А. Макаренко, Рец. на: Apolinar B. Parale. Facts and issues on the Philipino language. Malabon, 1969, XIII, 294 p. «Сов. этнография», 1970, № 4, стр. 171—174.

¹⁰ Р. Ф. Итс, Этническая история юга Восточной Азии, Л., 1972, стр. 191—207.

¹¹ W. G. Solheim II, Southeast Asia and West, «Science», v. 157, 1967, pp. 299—300.

¹² Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Расы, народы, культуры, М., 1971, стр. 8—88.

М. В. Крюков. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972, 325 стр.

Работа М. В. Крюкова представляет большой интерес не только и, может быть, даже не столько для специалистов по Китаю, сколько для всех этнографов, занимающихся исследованием родства. В ней на китайском материале ставятся и решаются проблемы огромной теоретической важности и среди них прежде всего вопрос об историческом соотношении типов систем родства.

Как известно, впервые этот вопрос был поставлен Л. Г. Морганом, открывшим классификационные системы родства, подразделявшим их на малайские и турано-ганованские и противопоставившим их системам родства привычного для европейцев типа.

Последние были названы им описательными системами. Л. Г. Морганом была создана и первая схема эволюции систем родства. Согласно его взглядам, исходной была малайская (гавайская) система родства. Результатом возникновения родовой организации было превращение ее в турано-ганованскую систему. Возникновение моногамной семьи привело к появлению описательной системы. Но хотя последняя пришла на смену турано-ганованской, между этими двумя системами нет генетической связи. Турано-га-